

УДК / UDC 94(97)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Из истории внешнеполитических отношений Калмыцкого ханства. Лоузанг-Шоно

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: maximbatmaev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Батмаев М. М., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья освещает одну из важных страниц калмыцко-китайских и калмыцко-джунгарских отношений, контролируемых российским правительством. Хронологически она охватывает первую половину XVIII в. Именно в этот период в Центральной Азии происходили глубинные процессы, которые в скором времени привели к большим государственно-политическим изменениям в этом регионе. *Цель исследования* — выявить планы и намерения названных взаимодействующих государств и народов; обрисовать реальный ход событий в их отношении к складывавшимся объективным условиям; показать, что действия отдельных личностей, оказавшихся в центре тех или иных событий, вызывались вначале их субъективными желаниями, и они пытались повернуть, в силу своих возможностей, их ход в свою пользу. Однако такие личности вынуждены были, в конечном счете, подчиниться объективной реальности: принять ее такой, какая она есть. *Результаты.* В первой трети XVIII в. правители Калмыкии оказались втянутыми в события, связанные с китайско-джунгарскими отношениями. Обе стороны этих отношений пытались привлечь на свою сторону военный потенциал калмыков. Однако стало ясно, что внешняя политика Калмыцкого ханства во многом зависит от внешнеполитических интересов России, которая в то время не была заинтересована в участии калмыков в китайско-джунгарском противоборстве. В связи с этим калмыки не участвовали в борьбе между Цинским Китаем и Джунгарским ханством, закончившейся поражением и гибелью последнего.

Ключевые слова: посольство, посланцы, переговоры, истинные цели, интересы сторон, люди в событиях, повседневность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Из истории внешнеполитических отношений Калмыцкого ханства. Лоузанг-Шоно // Монголоведение. Т. 14. № 2. С. 264–280.

DOI:10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Louzang Shono: Some External Relations Issues of the Kalmyk Khanate Revisited

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0002-2233-0647. E-mail: maximbatmaev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Batmaev M. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a significant early-to-mid 18th-century episode of Kalmyk-Chinese and Kalmyk-Dzungar relations to have been controlled by the Russian Government. This very period was witnessing deepest processes across Central Asia that would subsequently result in dramatic ethnic and political transformations in the region. *Goals.* The work aims at revealing plans and intentions of the involved governments and groups, outlining the actual sequence of events under the observed conditions, showing efforts of certain individuals had been initially determined by their personal wishes that made them seek for opportunities to orchestrate the events towards their own benefits. However, the latter had to finally accept the real state of affairs as they were. *Results.* So, the Kalmyk rulers were involved in China-Dzungar relations, both the sides having been eager to take advantage of Kalmyk military power. But it became evident that external policies of the Kalmyk Khanate were largely dependent on Russia's foreign affairs strategy which implied no interest in the participation of Kalmyks in Chinese-Dzungar struggle. This resulted in that Kalmyks never joined the confrontation between the Qing Empire and Dzungar Khanate to have ended up with a defeat and collapse of the latter.

Keywords: embassy, ambassador, negotiations, true goals, interests of sides, involved individuals, everyday life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Batmaev M. M. Louzang Shono: Some External Relations Issues of the Kalmyk Khanate Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 264–280. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-264-280

Введение

С 90-х гг. XVII в. всё более враждебными становятся отношения между Цинским правительством Китая и правящими кругами Джунгарского ханства. Все больше становилось очевидным, что Цины, покорив монгольских князей Халхи и выиграв войну 1690–1697 гг. у ойратского Галдана Бошокту-хана, бесповоротно решили ликвидировать ханство, а его территорию сделать провинцией своей империи. Перед решительной схваткой противники искали каждый себе потенциальных союзников, а также были озабочены созданием имиджа безвинной жертвы агрессивного соседа. Обе стороны не забыли и руководителей Калмыцкого ханства. Между тем обстановка там была не совсем спокойной.

В 1701 г. в семье Аюки произошел разлад: два его старших сына — Чакдорчжаб и Санчжаб (Санжип — в русских источниках) — восстали про-

тив отца и брата от другой матери Гунчжаба. Аюка со 100 кибитками ушел в Яицкий казачий городок, а Гунчжаб бежал в Саратов, под защиту воеводы Никифора Беклемишева. Посланному в Самару князю Б. А. Голицыну удалось помирить Чакдорчжаба с отцом. Занявший непримиримую позицию Санчжаб ушел в Джунгарию. Контайша Цэван-Рабдан отобрал приведенные им 15 тыс. кибиток, а его самого с 7 людьми отправил на Волгу к отцу [Бакунин 1995: 27–28]. Ясно, что подобные действия правителя Джунгарского ханства существенно охладили калмыцко-ойратские отношения.

В это же время в Пекине был задержан возвращавшийся с богомолья в Тибет двоюродный племянник Аюки, сын Назар Мамута — Арабджур. Переговоры через посланцев о его отпуске на родину затянулись. В 1712 г. китайцы отправили к Аюке посольство, которое прибыло к нему только в 1714 г. Хан встретил послов с почетом, принял грамоту китайского императора. Н. Нефедьев считал, что главной целью посольства Тулишена была разведка состояния калмыков и их отношений с джунгарами [Нефедьев 1834: 36–38].

Н. Н. Пальмов, анализируя позицию правящих кругов Калмыцкого ханства по отношению к названным выше противоборствующим сторонам, приходил к выводу: «Спустя лет 6–7 (после китайского посольства 1714 г. — М. Б.) у руководителей калмыцкой политики произошел существенный перелом в настроении, и на смену симпатий к Китаю появляется тяготение к Джунгарии, ненавистной Пекину. Перемена политического курса хронологически совпадает с моментом появления Шакур-ламы в калмыцкой степи» [Пальмов 1926: 50]. Н. Н. Пальмов считал, что Шакур-лама передал калмыкам повеление Далай-ламы кочевать из России к кому-либо из монгольских ханов, и якобы Аюка под влиянием жены Дармы-Балы и Шакур-ламы решил кочевать в Джунгарию [Пальмов 1926: 51].

Н. Н. Пальмов далее рассуждал, что само по себе повеление Далай-ламы не шло вразрез с политикой Китая, так как калмыки могли откочевать и к одному из восточномонгольских ханов, подвластных Китаю, но решение Аюки идти в Джунгарию разительно меняло их политическую ориентацию и не соответствовало интересам Китая [Пальмов 1926: 51–54].

В дальнейшем мы покажем, что предположения Н. Н. Пальмова были довольно произвольными, особенно по отношению к Далай-ламе.

Известный исследователь истории Джунгарского ханства И. Я. Златкин считал, что Цэван-Рабдан стремился установить сотрудничество с Калмыцким ханством. В подтверждение этого он ссылался на брачные связи, на сотрудничество по церковной линии (путь в Тибет через Джунгарию). В целом, утверждал И. Я. Златкин, Цэван-Рабдану удалось установить довольно тесные и дружественные связи с калмыцкими правителями [Златкин 1983: 220–221].

Материалы и методы

Основными источниками, привлеченными в ходе работы над статьей, явились не опубликованные прежде и впервые вводимые в научный оборот материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия. Методология исследования основывается на теории цивилизаций. Вместе с тем, как пред-

ставляется, не нужно забывать и вклад в историческую науку формационной теории. Методы сравнительного и системного анализа, примененные в предлагаемой статье, присущи обоим вышеназванным теориям.

Калмыцко-джунгарские отношения

Участь Санчжаба не раз упоминалась в среде калмыцкой знати в контексте как сожаления, так и предостережения. Так, зайсанг Монколон, осведомитель местной российской администрации, доводил до сведения астраханского губернатора А. П. Волынского, что слышал от служителя ханши Дармы-Балы Джалчина Хомчинова, что если контайша Цэван-Рабдан даст благоприятный ответ через Еке-Абутая и будет звать их к себе, то ханша вернется в Джунгарию и также склоняет к этому решению сына, наместника ханства Церен-Дондука. Церен-Дондук же приводил ей в пример Санчжаба; однако мать напоминала сыну, что контайша ей приходится двоюродным братом, который не разорит ее и ее сына, остальных если и разорит, то убытка им не будет [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 185]. Надо сказать, что Дарму-Балу не раз подозревали в желании увести калмыков на свою родину по рождению, т. е. на территорию Центральной Азии.

Кто же такой Еке-Абугай, от которого ждали хороших вестей? Этот человек попал волею судеб в гущу очень важных, а порою даже драматических событий. 11 июля 1724 г. Досанг, старший сын Чакдорчжаба и внук Аюки, прислал письмо астраханскому коменданту — Ф. Митрофанову, а тот отправил копию письма А. П. Волынскому. Досанг сообщал, что к Дорджи Назарову приехал посланец контайши и что наместник Церен-Дондук и Дондук-Омбо, внук Аюки от Гунчжаба, намерены послать своих людей к контайше [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 237–238].

4 декабря 1724 г. в Астрахани был получен указ из Государственной Коллегии иностранных дел от 29 мая 1724 г. о пропуске через Тобольск в калмыцкие улусы посланцев контайши трех человек: Илжа, сын его Танбу и некто Читу. Когда они будут находиться в улусах, указывалось выяснить, к кому и зачем они прибыли, и «прилежно наблюдать за их поступками, чтобы от них не могло произойти что-нибудь вредное для интересов России» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 193].

Указ был получен поздно, посланцы 29 августа 1724 г. были пропущены через Саратов к Дарме-Бале, предъявив при этом паспорт, что они отпущены из Тобольска по указу Коллегии иностранных дел к Аюке. А. П. Волынскому они объявили, что они посланы к ханской жене проведать ее и сообщить о здоровье контайши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 94]. Их отправили к ханше в сопровождении знатного зайсанга Самтана.

Думается, что миссия посланцев не могла ограничиваться задачей выяснения только состояния здоровья Дармы-Балы. Ближе к достоверности сообщение зайсанга Билютки А. П. Волынскому 2 декабря 1724 г., что прошедшим летом приезжал к ним от контайши посланец с вестью, что весной 1725 г. его передовые войска подойдут к Яику, где будет организован ряд свадеб джунгарских владельцев с дочерьми калмыцких нойонов, а прошлым летом контайша не мог прибыть в назначенное место из-за войны с казаками [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 193].

Этот же Билютка в другой раз говорил А. П. Волынскому, что многие владельцы, кроме Церен-Дондука, хотят весной 1725 г. откочевать в Джунгарию и потому для предварительной договоренности и отправили к контайше Еке-Абугая [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 168].

5 февраля 1725 г. В. М. Бакунина проинформировал знакомый ему Замбо, что Еке-Абугая ждут обратно в марте, так как из Бухары прибыл торговый караван. Купцы сообщили, что Еке-Абугай уехал в Бухару от казахов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 203]. Прошлым летом казахи, разделившись на четыре группы, ходили воевать против калмыков, башкиров, бухарцев и джунгаров. Во всех партиях они были разбиты, и теперь путь из Джунгарии к калмыкам стал свободен [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 402].

Еке-Абугая не дождался в марте 1725 г.; ему довелось провести в Джунгарии несколько долгих для него лет, а возвращаться на Волгу пришлось утомительным сибирским путем. Обратимся к доношению саратовского дворянина Григория Попова, который в январе 1729 г. сопровождал в улусы Еке-Абугая, и тот в пути, в разговорах, поведал свою одиссею.

В 1724 г. он был послан от Церен-Дондука и Дармы-Балы к контайше сватать его дочерей за наместника и его младшего брата Галдан-Данжина. Контайша обещал отправить дочерей. Еке-Абугай жил у правителя Джунгарии два года, а на третий год (т. е. в 1727 г.) приехали посланцы от Дондук-Омбо. Вскоре после их приезда Цэван-Рабдан внезапно скоропостижно скончался. Подозрение в отравлении пало на посланцев Дондук-Омбо. На восьмой день после смерти контайши сын его Галдан-Церен четырех посланцев Дондук-Омбо казнил, а двух направил в дальнюю ссылку. Мачехе, дочери Аюки Сетерджаб, и двум ее дочерям выколол глаза, а «из рук и из ног резал тела» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 13].

Еке-Абугай «с товарищами» был арестован и сидел целый год в тюрьме. В это время от русского царя к контайше прибыл посол, с которым и был отпущен домой Еке-Абугай. В Тобольске он вновь был арестован комендантом и отпущен только по указу Коллегии иностранных дел [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 13]. В связи с практическим провалом миссии Еке-Абугая можно констатировать, что калмыцко-джунгарские отношения в первой трети XVIII в. находились на низком уровне.

Были в этот период и другие факторы политического и даже морально-психологического характера, которые влияли на общую обстановку в Калмыцком ханстве, а также на действия правящей знати. В. М. Бакунин сообщал, что в 1718 г. в ханство по просьбе Аюки прибыл Шакур-лама, возглавивший калмыцкое буддийское духовенство [Бакунин 1995: 32].

Однако датировка В. М. Бакунина не подтверждается документальными данными. Так, уже известный нам Монколон говорил А. П. Волынскому, что в улусах Шакур-ламу подозревают в происходивших несчастьях. Дело в том, что после приезда его от Далай-ламы «происходят у них большие несчастья, а именно: в первом году после его приезда Чакдорчжаб был в несогласии со своими детьми и потому разделил им свои улусы; во втором году Чакдорчжаб и Бюкюнгин-лама умерли; в третьем году хан Аюка умер, в четвертом году у них вновь междоусобие» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 244–244об.].

Таким образом, зная, что Чакдорчжаб умер в 1722 г., а Аюка — в начале 1724 г., нетрудно подсчитать, что Шакур-лама прибыл в Калмыцкое ханство в 1721 г. или очень близко к этому времени.

Шакур-ламе также приписывали действия и намерения, истинность которых трудно было подтвердить. Например, калмык Токто, посланный В. М. Бакуниным в улус Дармы-Балы, говорил, что Шакур-лама, по прибытии от Далай-ламы, объявил Аюке повеление главы буддистов, чтобы все калмыки отошли от России «к своему однозаконному, которому ни есть» хану [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 210–211].

Аюка, Дарма-Бала, Шакур-лама и Эмчин-гелюнг решили откочевать к контайше, связавшись с ним через посланцев. И, объявив ему повеление Далай-ламы, они надеялись, что контайша не посмеет не подчиниться ему и что их, т. е. калмыков, не разорит. Однако это намерение было нарушено смертью Аюки и ссорой Досанга с братьями из-за отцовского наследства, куда были втянуты и другие близкие родственники. Для разведки положения дел в Джунгарии и поведения контайши и был отправлен туда Еке-Абугай. Ждали, с какими вестями он приедет. Если миссия его будет успешной, то Дарма-Бала, Шакур-лама и ряд других нойонов готовы будут уйти в Джунгарию [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 210–211].

Много разговоров и подозрений клубилось вокруг Дондук-Омбо. Правда, поведение его было не лишено оригинальности: иногда оно вызвало осуждение, порою удивление, а временами и недоумение. Здесь будет достаточным напомнить, как он добивался ханской власти, но это было еще впереди, а вот 20 апреля 1727 г. поручик И. Серов (в некоторых документах он пишется Суровым) составил доношение на имя руководителя Калмыцких дел В. П. Беклемишева. В нем сообщалось, что в этот день в Дмитриевскую канцелярию пришел зайсанг Барак Чеметев, из владения Дондук-Омбо, и через переводчика сделал заявление, которое заинтересовало местных служителей. Два года назад Дондук-Омбо и зять его Лоузанг-Шоно послали зайсанга Барака с 4-мя людьми в Джунгарию, письменно предлагая контайше воевать против Церен-Дондука и других калмыцких владельцев. После их разгрома готов перейти под власть контайши, так как он, Дондук-Омбо, на территории Поволжья жить не желает. Прошедшей осенью из тех посланцев вернулись два человека в сопровождении двух человек от Цэван-Рабдана. После зимы уже 6 человек от Дондук-Омбо с двумя послами контайши вновь отправились в Джунгарию [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328].

Лоузанг-Шоно сообщал, продолжал Барак Чеметев, что от отца он ушел из-за гонений, что не соответствует действительности. Приехал он «для прищету калмыцких улусов и для согласия з Дунду Гунбо. Чтоб возмутить их войною на наместника Черен Дондука и на протчих владения ево калмык» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328]. Дондук-Омбо направляет 200 человек якобы для несения караула за Яиком и наблюдения за джунгарами, однако они были посланы к контайше, на самом деле, для «подговора» к войне [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 26. Л. 328].

Лоузанг-Шоно был вторым сыном контайши Цэван-Рабдана, и появился он среди калмыков на Волге осенью 1725 г. В связи с этим появились различ-

ные домыслы и подозрения. Так, зайсанг Олдоксон 3 февраля 1726 г. говорил В. П. Беклемишеву: «Приехал де х калмыком контайшин сын Лоузанг Шонон, а сказывает де, что будто он к ним бежал от брата своего, о котором де они, калмыки, имеют немалое подозрение и признавают де ево за шпиона» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 11].

18 июля 1726 г. фельдмаршалу М. М. Голицыну передавал осведомитель Генден, служитель младшего сына Аюки, что якобы Лоузанг-Шоно не бежал от отца, а нарочно прислан для подговора калмыков к побегу из России. По одной версии, за ним стоит Дарма-Бала, которая настояла, чтоб Дондук-Омбо выдал за него свою дочь [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 450]. Близок к истине был Шакур-лама, когда говорил при личной встрече В. П. Беклемишеву: «Брат де ево большей, другой жены (т. е. жены их отца. — М. Б.) сын, собрав войско, хотел ево воевать, отчего де он убоюсь, к ним и прибежал, и ныне де ево по должности сроднической в чести содержат, а с ним де восемь человек приехали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 31]. Кроме того, были мнения, что Лоузанг-Шоно хотел бежать от калмыков в неизвестном направлении, поэтому Дондук-Омбо, узнав о его намерениях, держал его под караулом [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 87].

Чтобы быть известным при царском дворе и в правительстве, Лоузанг-Шоно отправил туда знатного зайсанга Самтана, приказав ему донести, что он сын дочери хана Аюки Сетерджаб. Выехал же в калмыцкие улусы, потому «что он как был в улусах отца своего, и ево... все войско контайшинных улусов весьма любили и хотели по отце ево... учинить наследником, чему завидя (завидуя. — М. Б.) отца ево, контайши, большой (старший. — М. Б.) сын, а ево, Шунуя, брат розноматерней на него наговорил отцу их, умысля неподобные слова и учинил между ими вражду и ненависть, и отец их, контайша, хотел ево, Шунуя, убить досмерти» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 39. Л. 65].

Несколько лет Лоузанг-Шоно, видимо, присматривался: имя его не встречается в архивных материалах. Между тем во внутренних отношениях калмыцкой знати назревал конфликт. К началу 1731 г. в ее среде сформировались две группировки: одна возглавлялась наместником Церен-Дондуком, другая спланировалась вокруг Дондук-Омбо. Долго копившиеся противоречия, в которых значительную роль играло отношение Церен-Дондука и Дондук-Омбо к российскому правительству, привели объединения знати к вооруженному столкновению.

Поводом к нему послужили важные события. В январе 1731 г. в Москву прибыло китайское посольство. В его составе был посол, специально направленный к калмыкам. Опасаясь, что он имеет задание объявить Церен-Дондука ханом, и желая опередить его, 1 мая 1731 г. астраханский губернатор И. П. Измайлов, выполняя приказ правительства, сам объявил его ханом. После этого Дондук-Омбо, потерявший надежду получить вождельное звание, а вместе с ним и соответствующие почести, дал уже ничего не решавшее сражение; оно произошло 9 ноября 1731 г. в урочище Сасыколи. Дондук-Омбо захватил улусы побежденных и разделил их между последовавшей за ним знатью [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 362–367].

По показаниям «денщика» Лоузанг-Шоно, тот в бою не участвовал, своих людей ни к одной из сторон не посылал на помощь и кочевал близ Саратова

с Дармой-Балой. После боя Дондук-Омбо прислал к ним войско, которое захватило их улусы и перевело через Волгу на правобережье в Мочаги, ближе к своей территории [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 402–402об.].

Для наведения порядка, угодного российскому правительству, на юг был отправлен с большими полномочиями генерал-лейтенант И. Ф. Барятинский. По прибытии на место генерал стал письменно налаживать связь с калмыцкими нойонами и в первую очередь с ханом Церен-Дондуком и с Дондук-Омбо. Получив письмо И. Ф. Барятинского, мятежный нойон послал к нему своего человека. Посланец устно сообщил, что письмо генерала Дондук-Омбо получил «и за приятельское советование» о примирении с ханом и другими владельцами «весьма благодарствует» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109]. Дондук-Омбо хочет примирения, однако ссора произошла не от него, а от другого человека, и это дело надо расследовать. Он, Дондук-Омбо, в суд идти готов, и взятые им улусы у хана и ханши, кому по суду достанутся, отдать готов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109].

Во время дальнейших пересылок посланец Дондук-Омбо привез И. Ф. Барятинскому 12 апреля 1732 г. два письма. Первое из них представляет для нас определенный интерес: оно было от джунгарского контайши Галдан-Церена к Церен-Дондуку, когда он еще не был ханом. В письме после обычных любезностей говорилось, что был подготовлен человек для посылки в Калмыцкое ханство, но в это время приехал к контайше калмыцкий посол Тугул. Вместе с ним прибыл особый посланец от Дондук-Омбо Габунг, и с ним «он, Дондук-Омбо, и Шоно прислали отраву, чтоб мне дать» к Сетерджаб и ее близким родственникам — Барангу и Чезунгу: кто они такие, выяснить не удалось [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 480].

Дальше несколько туманно и сбивчиво говорится: «и мне, как они отдали, то болшей Абу (Цэван-Рабдан. — М. Б.) узнал и сказал, что де нам будет худо, а болшему Абу как отраву дали и он умер» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 487–489]. Далее говорится о расправе с Сетерджаб и ее предполагаемыми сообщниками и о желательности выдачи Дондук-Омбо и Лоузанг-Шоно в руки Галдан-Церена.

Второе письмо касается местных калмыцких событий и здесь не рассматривается. Остается непонятным, для чего Дондук-Омбо передал И. Ф. Барятинскому письмо Галдан-Церена: чтобы обвинить в междоусобице Церен-Дондука? Ведь он писал И. Ф. Барятинскому, как это сказано выше, что ссора произошла «от другого человека» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 109].

В этот период российское правительство и калмыцкая знать были обеспокоены приездом китайского посольства к калмыкам, которое, как уже сказано выше, прибыло в Москву 13 января 1731 г. Неизвестным образом узнал об этом Церен-Дондук: он дважды, 24 февраля и 24 апреля, писал В. П. Беклемишеву, что видеться с ними пока нежелательно, так как скот после зимы еще не оправился, да и других неисправностей много [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 11. Л. 33, 79]. В составе всего посольства маньчжурского императорского двора находился посол — мерензангин¹ Мандай, отправленный специально к калмыкам, а также второй посол из маньчжур и два монгольских советника.

¹ Посольский ранг.

26 января 1731 г. они были «на публичной аудиенции» у императрицы Анны Ивановны, затем отвечали на вопросы синклита министров во главе с канцлером Г. И. Головкиным. Во время ответов главный посол Асхани Амба Туши (так называет его В. М. Бакунин), в литературе известный как Тулишен, показывая на сидевшего рядом Мандая, объявил, что он специально отправлен «с указом и с жалованием к наследнику Аюки-хана торгоутского для требования, чтобы он с своей стороны» начал войну против Джунгарии и отправил Лоузанг-Шоно к богдохану [Бакунин 1995: 68], причем упорно просил, чтобы Лоузанг-Шоно был отправлен в Китай немедленно. При вторичной настойчивой просьбе решено было допустить их в калмыцкие улусы, однако дано было им ясно понять, что калмыки являются подданными России и выполняют указания ее правительства [Бакунин 1995: 68].

Напомним, что прибытие китайского посольства и интерес, проявляемый китайцами к положению калмыков, вызвали подозрения у российского правительства: не имеют ли послы поручение объявить от имени китайского императора Церен-Дондука калмыцким ханом? Поэтому, упреждая подобный ход, только что назначенному астраханскому губернатору И. П. Измайлову было поручено объявить Церен-Дондука ханом, что последним и было сделано 1 мая 1731 г. Новому хану были вручены знаки достоинства: сабля оправная (т. е. украшенная в соответствующих местах), панцирь со всем принадлежащим убором, шуба и шапка собольи, покрытые парчой. Ряду крупных нойонов были сделаны значительные подарки [Бакунин 1995: 69].

Между тем китайские послы в сопровождении В. М. Бакунина 4 марта выехали из Москвы. 21 марта они прибыли в Пензу. В пути В. М. Бакунин всячески старался буквально очернить все стороны калмыцкой действительности. Времени для этого хватало, так как в данной ему инструкции предписывалось везти посла как можно медленнее. В одной из бесед посол Мандай спросил «о обхождении того калмыцкого народа и что есть ли у них ранги и класы (классы. — М. Б.)» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 231–232]. В. М. Бакунин ему ответил, «что того калмыцкого народа обхождение во всем подобно зверскому, а не человеческому, как они и сами увидят, и что в свете есть ли ранги, о том они и ведают ли» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 231–232].

Прибыв в Саратов 26 марта, В. М. Бакунин стал под разными предлогами тянуть время, чтобы, как сказано выше, И. П. Измайлов успел выполнить свою миссию. Тем временем, как сообщал В. М. Бакунин, послы неотступно докучали ему просьбами об отправке их в улусы. Тогда, как он писал В. П. Беклемишеву, руководившему в то время Калмыцкими делами (после окончания хлопот с послами он был произведен в полковники), решил раскрыть причину проволочек: о придержании на время послов В. П. Беклемишева просил хан Церен-Дондук, потому что «зимним временем скот их зело исхудал, и они пришли оттого в скудость, в чем имеют себе стыд и чтоб им в том дать время исправиться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 168об.–169].

Церен-Дондук действительно просил о сказанном, но он ни в коем случае не желал, чтобы его просьба дошла до ушей китайских послов. В. М. Бакунин, желая еще больше дискредитировать калмыцких владельцев, добавил, что «когда и первые их китайские послы были у бывшего Аюки хана калмыцкого

и тогда и оной хорошего ничего не имея, как наметы (палатки. — М. Б.) персицкие, так и серебряную посуду и протчее, для такого случая брал из Астрахани от приятелей своих тамошних дворян Карейтовых и протчих» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 169об.].

20 апреля мерензангины Мандай и Асхай, а также монгольские члены посольства тайджи Гюнбю Чювак и мерензангин Горюзап прислали В. М. Бакунину письмо на монгольском языке для отсылки его Церен-Дондуку. В письме говорилось: «Понеже ты носишь наследное имя ханское, и того ради... отправлены мы тем тебя поздравить и уведомить о твоём благополучии и притом посланы к вам и подарки. И мы сего года (марта 26 числа) вешняго средняго месяца 29 дня прибыли в Саратов, и о том нашем приезде хотя и надлежало было нам отсюды дать и вам известие, но оного мы не учинили для того, что из российского государства из Москвы о приезде нашем дано вам знать обстоятельно. И тако мы хотя по приезде нашем в Саратов, ожидая от вас известия, жили дён дватцеть и больше, только от вас того не получили, и того ради, объявляя о приезде нашем, сие письмо к вам и посылаем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 179]. Нетрудно заметить во внешне учтивом письме скрытое неудовольствие.

Послав письмо по адресу, В. М. Бакунин отправил 22 апреля 1731 г. доношение в Коллегию иностранных дел. Узнал от здешних жителей известие, докладывал В. М. Бакунин, что Дарма-Бала и Церен-Дондук скоро прикочуют к Дмитриевску, а также сюда же придут И. П. Измайлов и В. П. Беклемишев. Поэтому, в ожидании их, В. М. Бакунин забавлял послов охотой за зайцами и, водя по рыболовным станам, показывал им, «каких родов имеются здесь рыбы и как их ловят, понеже они любопытны, а особливо в скуке тому рады» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 180–181].

В первоначальном варианте письма послов к Церен-Дондуку от 18 апреля было написано, что об их приезде ему было послано письмо от белого царя. Бдительный В. М. Бакунин объявил, что от царя хану посылаются указы, а не письма, и добился переделки письма [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 180–181].

Надо отметить одну характерную черту в поведении В. М. Бакунина в отношениях с китайскими послами и калмыцкими зайсангами, участвовавшими в этих отношениях. С первыми он вел себя с почтением и предупредительностью, стараясь в то же время ни в чем не уронить достоинство и честь своей страны, а вместе с тем с интересом и любопытством наблюдая за их манерами и поведением, т. е. как и полагается вести себя дипломату перед иностранными послами. С зайсангами же он вел себя иронически, порой грубо, а временами даже с оттенком презрения, хотя, казалось бы, своих соотечественников, даже пусть только подданных своей страны, желательно было бы показывать с более щадящей — положительной, стороны.

В конечном счете в 20-х числах мая В. П. Беклемишев выздоровел, и 28 мая он с послами выехал из Саратова для встречи с ханом Церен-Дондуком и его ближайшим окружением, где чуть ли не первую роль играла его мать Дарма-Бала. В тот же день прибыли к послам зайсанги от хана, Дармы-Балы и Шакур-ламы, чтобы сопроводить их в улусы к ставке Церен-Дондука. 1 июля В. П. Беклемишев с урочища Гашун Сала поехал к хану для отдачи ему

правительственной грамоты (разумеется, от имени царицы Анны Ивановны), оставив при послах поручика Антипина¹ и дмитриевского сотника Везелева². В этот же день он прибыл к Церен-Дондуку и Шакур-ламе, кочевавшим при реке Еруслан.

Вначале В. П. Беклемишев посетил Шакур-ламу и по его просьбе показал ему письмо к хану. Прочитав перевод грамоты на калмыцкий язык, Шакур-лама со скрытым неудовольствием заметил, что при Аюке также были китайские послы, при которых был подполковник только для их сопровождения, а в их дела он не вмешивался, а также то, что на приемах и переговорах с китайскими послами присутствие подполковника В. П. Беклемишева расценивалось как недоверие к калмыкам. «Ежели де имеет ея величество об них, калмыках, подозрение, чтоб их не подозвали китайцы ко откочеванию от российской протекции к себе, и в том бы де изволила ему, Шакур-ламе, поверить. Хотя б владельцы и пожелали откочевать, но простой народ хотя помрут, а от Волги не пойдут, да и пройтить де никак не можна от неприятелей, первые касаки, а далее хонтайши, которых обойти никак не можна, а оные де народы обои силнея здешних калмык» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 129].

В. П. Беклемишев со ссылкой на договоры и шерти Аюки пытался доказать, что если он будет присутствовать при разговорах с послами, то он не видит в этом предосудительных актов, «но паче к вящему засвидетельствованию и утверждению оной к ея императорскому величеству верности и исполнения присяги его Черен Дондуковой» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 130]. Без выполнения же данного условия Церен-Дондук может вызвать на себя подозрение со стороны российского правительства, а Шакур-ламе, если он будет склонять Церен-Дондука к исполнению требуемых условий указа, обещали вознаграждение за это. В ходе дальнейших уговоров Шакур-лама согласился помогать В. П. Беклемишеву, но опасался препятствий со стороны Дармы-Балы. Он советовал подполковнику заехать к Намке-гелюнгу, который являлся управителем дел хана, и ему о том же говорить, так как он как в Церен-Дондуке, так и в его матери не уверен, а он, Шакур-лама, пошлет к Намке-гелюнгу манжика Дархан-Омбо и велит ему сказать, чтобы он склонил хана и его мать на сторону российского правительства. Сам же он, Шакур-лама, при встрече со знатными зайсангами Яманом и Самтаном попросит их, чтобы они уговорили хана и ханшу исполнить правительственные предписания [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 129об.–130об.].

От Шакур-ламы того же числа В. П. Беклемишев вместе с Дархан-Омбо поехал к Намке-гелюнгу, кибитка которого была в версте от Шакур-ламы и поблизости от ставки Церен-Дондука. Заручившись его поддержкой и присоединив его к себе, поехал к хану и подал ему грамоту. Хан прочитал ее про себя, ничего не сказал, а отдал Намке-гелюнгу, который спросил, что он ответит. Церен-Дондук сказал, что посоветуется с матерью, а потом даст ответ В. П. Беклемишеву. Подполковник от хана поехал в свой обоз и, версты за две не доехав до улусов, встретил трех зайсангов: одного от Дарма-Балы, а двоих от Церен-Дондука. Они, т. е. зайсанги, встретили китайских послов с конвоем из

¹ В архивном деле инициалы отсутствуют.

² В архивном деле инициалы отсутствуют.

двухсот человек и сопроводили их до отведенного им места, верстах в шести от ставки хана. Послы были недовольны и спрашивали, почему они находятся так далеко от хана [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 131об.]. Им ответили, что это для их покоя, а если место их не устраивает, то они об этом скажут хану. Послы просили переселить их поближе. Кроме того, через одного из калмыцких приставов, приставленных к послам, В. П. Беклемишев узнал, что они выразили неудовольствие: «Для чего они для чести богдоханова величества не привели к ним подвод, или они им не рады. Хотя де им в подводах и нужды нет, понеже они по милости ея императорского величества удовольствованы как кормом, так и подводами, только б им надлежала свою учтивость показать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132].

Приставы на их претензии отвечали, что якобы у них имеется договор с российским правительством: если к ним, т. е. калмыкам, будут прибывать какие-либо послы через российскую территорию, то их возить до калмыцких улусов «на российском коште (т. е. питании. — М. Б.) и подводах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132–132об.].

В. П. Беклемишев был недоволен таким ответом приставов и, позвав зайсангов, спрашивал, с чьёго повеления отвечали китайцам на все их вопросы, при этом зайсанги должны были, по его мнению, осознавать, что их владельцы со всеми улусами находятся в подданстве Российской империи, «и каким быть в подводах с ними договорам» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132об.]. Приставы утверждали, что не говорили таких слов. В. П. Беклемишев довел до сведения Церен-Дондука о поведении зайсангов и их словах. Хан ответил, что он так говорить им не приказывал, «разве де они собою вдали». Опрошенные зайсанги продолжали утверждать, что они ничего подобного не велели говорить приставам [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 132об.].

Церен-Дондук передал В. П. Беклемишеву, что он приставит еще двух знатных и авторитетных зайсангов и прикажет им контролировать остальных, «чтоб с китайцы без них ни о чем не говорили, а им велит во всяких разговорах прославлять милость ея императорского величества к их калмыцкому народу» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133]. 2 июня послы, после консультации с ханскими зайсангами, переехали к ханской ставке на полторы версты [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133–133об.].

4 июня Шакур-лама сообщил В. П. Беклемишеву, что назавтра послы будут приняты у ханши в кибитке, где будут хан и Шакур-лама, и что В. П. Беклемишева позовут в кибитку раньше послов. 5 числа послы уведомили его, что они по соглашению с приставами вещи, присланные от богдохана, направят к хану раньше того, как они придут, и сразу же в этот же час отправили в сопровождении двух монголов, за которыми в десяти ящиках несли вещи пешие калмыки, с которыми для подслушивания разговоров В. П. Беклемишев послал тобольского толмача Ивана Фролова. Вещи были положены в специально отведенной кибитке, ящики были открыты и показаны приставам, однако разговоров особых не состоялось, и подслушивать не пришлось.

Через час после приема подарков приехал зайсанг Дархан-Омбо и именем Дармы-Балы и Шакур-ламы объявил, чтобы В. П. Беклемишев немедленно ехал к ханше, что тот и сделал. В своем повседневном журнале он хорошо

отзывается об убранстве приемной кибитки, об одежде нойонов и зайсангов. Однако о китайских подарках остался невысокого мнения: «41 косяк камок и атласов, а прочее фарфоровая посуда и прочее» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 134].

В кибитку, где сидел уже Шакур-лама, пришла Дарма-Бала с двумя снохами. Глава калмыцкого духовенства при ее появлении не встал. Ханша села в ряд с Шакур-ламой по левую руку, а подле нее сели снохи.

Вскоре пришли Церен-Дондук, Доржи Назаров и Галдан-Данжин. Хан сел в ряд подле Шакур-ламы, В. П. Беклемишева посадили возле Галдан-Данжиновой жены, а Доржи Назаров, Галдан-Данжин, Гунга-Доржи дербетский и сын Дондук-Омбо сели напротив Шакур-ламы, Церен-Дондука и Дармы-Балы. Остальные владельцы за неимением места сидели за кибиткой. Наконец, по правую сторону от Церен-Дондука несколько в отдалении «сидел цоржи духовного их чина» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 133об.–135].

После этого приехали китайские послы, перед которыми везли «богдыханово» послание в круглом футляре, обшитом желтой камкой, а за послами везли особые желтые значки. Саженой за двести им велели слезть с лошадей и далее идти пешими. Послание богдохана нес на руках мерензангин Горюзап, а когда пришли в кибитку, то лист в футляре взял главный посол Мандай и, держа перед собою и стоя перед ханом, сказал, что присланы от богдохана Церен-Дондуку и ханше Дарме-Бале с «милостивым указом», а также он «жалует вас презентом» и велел поздравить Церен-Дондука со званием «хана». Церен-Дондук, чуть приподнявшись на колени, грамоту принял и положил за себя на подушку. Прodelал он это без всякого умысла, но посланцам «было зело противно, однако ничего о том не говорили и посланцев посадили по местам по правую сторону сбоку от Церен-Дондука. Затем Шакур-лама спрашивал о здоровье богдохана, его семье, а также о здоровье Далай-ламы, хутугты монгольской земли «и прочих начальников степных народов» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 135об.]. Дело кончилось обедом, где подавались на блюдах мясо, из питья чай, калмыцкое вино и русская водка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 134–136].

Лоузанг-Шоно

6 июня Лоузанг-Шоно через своего служителя довел до сведения В. П. Беклемишева, что китайские послы хотят с ним встретиться и просил совета на этот счет. В. П. Беклемишев прямо ничего не посоветовал, однако указал, что Лоузанг-Шоно знает, что его отцу китайцы всегда были неприятелями. По его мнению, посланцы желают с ним встретиться, поскольку хотят выяснить намерения Лоузанг-Шоно и обстановку в Джунгарии. Лоузанг-Шоно являлся, по мнению В. П. Беклемишева, знатным владельцем, однако китайские послы прибыли к Церен-Дондуку [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 136об.–137].

11 июня послы передали В. П. Беклемишеву, что они к нему придут пить кофе. Потом, четверть часа спустя, приехал Лоузанг-Шоно, видимо, по договоренности с послами, потому что и они пришли несколько минут спустя. Главный китайский посол сел рядом с Лоузанг-Шоно и спросил В. П. Беклемишева о своем соседе. В. П. Беклемишев ответил, что это сын контайши. Послы

отдали ему подобающую его происхождению честь и вели с ним незначащие разговоры. Посидев с час времени, они позвали Лоузанг-Шоно к себе, так как их ставка располагалась в 10 сажнях от лагеря В. П. Беклемишева, и тот ответил согласием. При прощании Лоузанг-Шоно предложил послам пригласить и В. П. Беклемишева, на что последний согласился. Китайские послы угощали их чаем и водкой, но особых разговоров, естественно, не вели. Лоузанг-Шоно стал «шумен» (т. е. попросту захмелел), и к полуночи его выдворили из главной кибитки. Однако он изъявил желание зайти еще и к монголам. Его отговаривали В. П. Беклемишев и пристав Денжин, но он ослушался и пошел «трупку табаку выкурить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 142].

В. П. Беклемишев вернулся в свою ставку, отправив оттуда к монголам для подслушивания своего помощника и переводчика Рязанова¹ и толмача А. Иванова. Лоузанг-Шоно пил всю ночь и три часа дня, потом спал несколько часов, а затем пошел к главному послу, куда собрались и другие, и, выслав всех, долго разговаривали, а о чем — неизвестно, так как Рязанова и А. Иванова близко к кибитке служители не допустили [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 141–142об.].

12 июня Лоузанг-Шоно в послеобеденное время заехал к В. П. Беклемишеву и сказал секретно, что послы говорили ему, поскольку у него с братом Галдан-Цереном имеются неприязненные отношения, а мать его убита, улусы отняты, если он пожелает отомстить брату и овладеть улусами отца, ему следует просить протекцию у богдохана, в чем они его именем богдохана обнадеживают, что будет он содержан в милости и улусы отца будут возвращены ему, и сверх того будет пожаловано большое жалованье за верность богдохану. На брата же его за его «противности» и непостоянства посланы «пресильные войски» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143].

Лоузанг-Шоно им отвечал, что мстить брату желает, но только не уверен в богдохане, зная, что его отец воевал с китайским государством. Посланцы усиленно заверяли его и советовали послать с ними богдохану письмо с просьбой о протекции, на что, без сомнения, получит милостивый указ. Лоузанг-Шоно обещал сделать просимое. В. П. Беклемишев убеждал его не верить китайцам и советовал не писать письмо. Со своей стороны он предлагал обратиться к русской императрице: может быть, она укажет устроить его положение. Лоузанг-Шоно отвечал, что он на китайцев надежды не имеет, «но только им манит, может де быть, что чем они ево подарят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143], а милости будет просить у русской императрицы.

Как видим, Лоузанг-Шоно постепенно становился «манителем», т. е. притворным подпевалой, старающимся выманить подарки. Далее он попросил, чтобы царица приказала вызвать его в Москву, где он сможет рассказать о своих нуждах. Взамен он просил, чтобы до его возвращения жене его с улусом было позволено кочевать на нагорной стороне Волги вблизи Саратова (около 100 кибиток). К богдохану писать он не будет, а попросит посланцев передать информацию устно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 143–143об.].

13 июня к В. П. Беклемишеву приехал от хана Намка-гелюнг и привез копии с посланий богдохана и словесного предложения, которые В. П. Беклемишев велел перевести ученику Сумину. Намка-гелюнг прочитал письмо, напи-

¹ В архивном деле инициалы отсутствуют.

санное в ответ к богдохану. В письме не было упомянуто имя императрицы Анны Ивановны. В. П. Беклемишев выразил на этот счет претензию: почему написано не так, как в отданном от него формуляре. Намка-гелюнг сказал, что они написали, как велел Церен-Дондук, и что он доложит об этом хану. На следующий день через С. Везелева В. П. Беклемишев провел переговоры с Шакур-ламой и ханом, чтобы ответы богдохану были написаны согласно данным от него формулярам, с чем они согласились. 14 числа стало известно, что 13 числа послы отправили Лоузанг-Шоно довольно приличные подарки.

14 июня два монгола из посольства ездили к Лоузанг-Шоно, куда В. П. Беклемишев отправил толмача И. Фролова. Однако они о чем-то совещались, выслав лишних, поэтому И. Фролов не знает, о чем. Когда высланные вновь были приглашены, тогда послы просили Лоузанг-Шоно пригласить жену. Когда она пришла, мерензангин Горюзап, будучи «шумен», сказал ей: «Отца твоего доброе намерение, что не хочет быть под протекциею розсийскою, и то его желание доброе», но Лоузанг-Шоно, услышав его слова, «бранил ево матерно, что де ты не дела говоришь. И тем оную речь прекратили» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 144–146].

15 июня послы были на прощальной аудиенции у Дармы-Балы, где присутствовали хан, Шакур-лама, другие нойоны и, как и всегда, В. П. Беклемишев. Здесь послам был вручен ответ хана в белом футляре, а на словесное предложение Церен-Дондук ответил: слышали мы и раньше от зюнгаров о Галдан-Церене, и ныне богдохан словесным предложением нас изволил уведомить, «и оное всё воистинно, и оные зюнгоры станут к нам приходить с которой нибудь стороны и мы по воле богдохановой их будем принимать, а что на то будет чиниться, тогда и будет, а что о присылках, то в воле ея императорского величества и богдоханова величества, понеже дорога чрез Россию» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 150–151].

На том ответ, малосвязный и туманный, и был окончен. В. П. Беклемишев после отъезда послов заметил хану, что все было «изрядно, только на словесное предложение китайских посланцев ответ от него... был не такой, как он, полковник, по указу ея императорского величества ему предлагал и письменно сообщал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 154]. Хан ответил, «что он более выговорить не упомянул». 16 числа послы ездили прощаться с сестрой хана Аюки Доржи-Араптан, а после неё были у Лоузанг-Шоно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 148–154об.].

17 июня 1731 г. В. П. Беклемишев с послами выехал из улусов. 19-го они прибыли на берег Волги напротив Саратова. Здесь к В. П. Беклемишеву приехал служитель Лоузанг-Шоно и передал ему письмо от него. В этот же день В. П. Беклемишев переехал через Волгу в Саратов, где 18 июня получил указ из Коллегии иностранных дел о пожаловании его полковником и управляющим калмыцкими делами и воеводой в Саратове [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 155, 158].

Что же было написано в письме Лоузанг-Шоно к российской императрице, которое вряд ли было прочитано ею? Да и вообще знала ли она о нем? Китайские послы, писал он, объявили Лоузанг-Шоно, что их государь «о моем деле намерен стараться», и чтобы «я объяснил суть дела, что я и сделал» [НА РК.

Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42 Л. 204]. «И сие благо или зло, еще не ведаю. А понеже напред, когда я и к вам посланца моего... посылал и о причине моей доносил, и тогда и вы во время случаю обещали о мне в возможном стараться. И я, получа сию вашу милость и указ, зело возрадовался. Ныне видится мне к тому удобное время, о чем разсуждая, намерен я туды ехать, и по прежней вашей ко мне милости не во учинении в сём моём намерении препятствие и о пожаловании мне пути и протчего, что к тому принадлежит, полагаюсь в волю вашего величества. И притом прошу, какую бы вы в том со мною милость не сотворили, точию дабы оная вскоре была исполнена действием» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 42. Л. 204]. Никаких следов реакции российских властей на письмо Лоузанг-Шоно в архивных материалах не было обнаружено.

Впрочем, если бы даже его просьба получила благожелательный отклик, он вряд ли сумел бы воспользоваться им. В начале сентября 1732 г. он внезапно заболел. Болезнь протекала быстро, и уже 5 октября жена Лоузанг-Шоно, дочь Дондук-Омбо, Церен-Балзан сообщила о его смерти. Печальным итогом жизни Лоузанг-Шоно звучат строки письма его жены: «А собственных улусов наших (здесь слово «улусов» надо понимать как зависимых людей. — М. Б.) малое число и скудны, також у нас собственного как скота, так и других вещей много не было, а что было малое число, то я при жизни Шониной на нужды употребила» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 52: Л. 235, 237].

Заключение

Рассмотренный выше материал показывает, что в первой трети XVIII в. Калмыцкое ханство имело активные внешнеполитические связи как на юго-западе (Крымское ханство, Северный Кавказ, Кубань), так и на юго-востоке. В последнем случае калмыцкие правители оказались втянутыми в события, связанные с китайско-джунгарскими отношениями. И те и другие пытались привлечь на свою сторону военный потенциал калмыков. Однако стало ясно, что внешняя политика Калмыцкого ханства во многом зависит от внешнеполитических интересов России, а последняя в то время не была заинтересована в участии калмыков в китайско-джунгарском противоборстве. В связи с этим калмыки не участвовали в борьбе между Цинским Китаем и Джунгарским ханством, которая закончилась поражением и гибелью последнего.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / вступ. ст.: М. М. Батмаев, предисл.: В. Разумовская. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с. (Серия «Наше наследие»).

Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 332 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 314 с.

Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I. XVII и XVIII века. Астрахань: Изд. Калм. обл. испол. ком-та, 1926. 391 с.

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks Compiled by N. Nefedyev. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 314 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Part I: 17th and 18th Centuries. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. 391 p. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate, 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)